

ГРАММАТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 811.134.2

К вопросу о статусе выражения *violencia de género* в современном испанском языке

М. В. Симонова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Симонова М. В. (2024). К вопросу о статусе выражения *violencia de género* в современном испанском языке. *Медиалингвистика*, 11 (1), 4–16.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.101>

Проблема гендерного насилия является одной из ключевых вопросов современного общества Испании. Феномен активно обсуждается как на государственном уровне, так и в обществе, а особенную значимость приобрел в современных испанских медиа, где теме насилия в отношении женщин уделяется особое внимание (например, в общественно-политических газетах в разделах «Гендерное насилие» или «Домашнее насилие»). Также внимание термину «гендерное насилие» уделяют сторонники гендерной языковой политики, целью которой является искоренение гендерной асимметрии в языке и в культуре. Актуальность выбранной темы также обусловлена тем фактом, что Испания является одной из стран-лидеров по принятию прогрессивных законов, направленных на борьбу с гендерным насилием. Анализ собственно языкового материала, словарей испанского языка, экстралингвистической ситуации в стране, изучение данных официальных статистик — все это позволило автору прийти к выводу о том, что в современной испанской действительности имеет место дисбаланс между экстралингвистическими факторами (активная борьба против гендерного насилия, наличие принятых законов, освещение этой темы в СМИ) и языком, в котором до сих пор не кодифицирован термин *violencia de género* (гендерное насилие) в главном словаре Королевской академии испанского языка (тогда как в других словарях и тематических глоссариях понятие трактуется по-разному). Сочетание *violencia de género* широко используется как в повседневной речи, в научной, так и в массмедиа, однако наличие дублетов препятствует правильному пониманию проблемы и, соответственно, борьбе с ней.

Ключевые слова: гендерное насилие, гендерная языковая политика, Королевская академия испанского языка, медиалингвистика, СМИ Испании.

Постановка проблемы

Изучение языка неразрывно связано с его социальной природой. В последнее время одним из мощнейших инструментов изменений в испанском языке (в первую очередь на лексическом уровне) является феномен борьбы с гендерной асимметрией, что проявляется в осуществлении гендерной языковой политики. Гендер становится «сложным социокультурным процессом формирования (конструирования) обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках»¹. Одним из проявлений гендерного неравенства как старейшей формы асимметрии, тесно связанной с его демонстрацией в материальной, этнической, религиозной, расовой и других сферах, является гендерное насилие, или насилие в отношении женщины [Силласте 2016]. Именно этому вопросу уделяется много внимания как лингвистами, социолингвистами, психологами, так и журналистами, ввиду того что тема борьбы с гендерным насилием освещается очень широко в ведущих медиа Испании².

Актуальность изучаемого вопроса обусловлена глобальностью проблемы гендерного насилия не только в Испании, но и в большинстве современных обществ. По мнению самих испанцев, тема гендерного насилия стоит особенно остро для 93,3 % населения³. В 2021 г. в Испании было зарегистрировано около 40 тысяч случаев насилия в отношении женщин, почти 31 тысяча относятся к категории гендерного насилия, остальные — случаи домашнего насилия⁴.

Любопытны результаты опроса, проведенного национальным институтом статистики в январе 2023 г., когда на вопрос «По каким причинам, на ваш взгляд, происходят случаи насилия в отношении женщин?» большее количество респондентов ответило, что из-за ментальных проблем мужчины (12,2 %), второе место занял ответ «из-за нехватки образования, отсутствия принципов и ценностей» (10,6 %) ⁵. В связи с этим очевиден тот факт, что проблема гендерного насилия, неравенства в обществе и в языке имеет место в Испании и требует комплексного подхода к ее решению. Изучение гендерного насилия в контексте культуры и языка, несомненно, поможет понять, осознать и найти пути решения. Любое индивидуальное насилие является результатом и продуктом определенной идеологии и культурной традиции, частью этой реальности [Бурдые, Пассрон 2006; van Soest, Bryant 1995: 550; Симонова, Симонова 2020]. Данный феномен широко изучается как в отечественной науке [Кофман 1997; Кофман 2020; Ростовская,

¹ Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток — Запад: женские инновационные проекты». М.: Информация XXI век, 2002. Электронный ресурс <https://www.gender.by/gendernyj-slovar/04>.

² В период с 1 января по 1 декабря 2023 г. в газете El Mundo вышло 1200 публикаций в разделе «Гендерное насилие», а в газете El País — более 3000 по данным официальных страниц www.elmundo.com и www.elpais.com.

³ Barometro de febrero 2020. Estudio no. 3273 (2020). *Centro de Investigaciones Sociológicas*. Электронный ресурс http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3260_3279/3273/es3273mar.pdf.

⁴ Estadística de violencia doméstica y violencia de género (2021). *Instituto Nacional de Estadística*. Электронный ресурс https://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176866&menu=ultiDatos&idp=1254735573206.

⁵ *Centro de Investigaciones Sociológicas*. Электронный ресурс https://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3380_3399/3393/es3393mar.pdf.

Безвербная 2020; Силласте 2016; Симонова 2020; Симонова 2021; Фирсова 2006], так и зарубежной [Falcón 2014; Futrado 2013; Velando Casanova 2005; Zurbanobereguier 2015].

История вопроса

Гендерная асимметрия — это источник нестабильности в государствах и в мире, что доказано специалистами, в том числе и экспертами ООН. В настоящее время международные агентства и организации разрабатывают масштабные программы по преодолению гендерной асимметрии во всех областях жизни. Гендерная асимметрия проявляется в национальном языке, когда имеет место неравномерная представленность лиц разного пола, как грамматически, синтаксически, так и лексически.

Гендерное равенство в языке является неотъемлемым условием обеспечения социальной справедливости и равенства в современном обществе, а также основанием для реализации социальной политики, для поддержания равенства в определенном государстве. Одним из ключевых понятий является лингвистическая дискриминация личности, которая может проявляться по таким признакам, как этническая, расовая принадлежность, возраст, пол, физическая дееспособность и др. [Толстокурова 2005: 88]. Основными формами проявления дискриминации в языке являются следующие: расизм, сексизм, эйджизм и т. п. Сексизм может выражаться в разных формах: гендерно-эксклюзивный, гендерно-ассиметричный, гендерно-некорректный язык. Несмотря на то что вопрос о необходимости гендерной языковой политики и массовом обсуждении положения о гендерно-корректном языке начал подниматься еще в середине 1970-х годов (например, работа Р. Лакоффа, в которой американский исследователь четко выразил свою позицию относительно связи дискриминации женщин и роли национального языка [Lakoff 1973: 46]), эта тема до сих пор остается на повестке дня во многих государствах.

В 1990-х годах в Испании стало развиваться идеологическое течение, целью которого было устранение гендерной дискриминации в языке. Появилось большое количество рекомендаций и книг по гендерно-корректному употреблению испанского языка в речи, однако первые работы и исследования стали выходить еще в конце 1980-х годов [Gibbon 1999]. В настоящее время существует большое количество публикаций, рекомендаций, редакционных документов для журналистов в области несексистского испанского языка и особенностей его использования в испаноязычных СМИ, но споры все еще продолжаются как на научном, медийном уровне, так и в политике. Вопрос о необходимости проведения гендерной языковой политики обсуждается в научном мире на испанском языке. Основными «узловыми точками» данных дискуссий являются такие понятия, как *lenguaje igualitario* (равноправный язык) и *lenguaje inclusivo* (инклюзивный язык). Принятие женщиной второстепенной роли во многих сферах жизни способствует росту случаев гендерного насилия [Fernández Poncela 2012], что не только проявляется в повседневной жизни, но и закрепляется в языке и речи.

В Испании вопрос гендерной асимметрии, где веками сложился патриархатный тип общества, стоит особенно остро. Проблема доминирующего по отношению к женщине поведения испанского мачо, ставшего нормой, вышла в лидеры по обсуждаемости и охватила все институты общества. Испанский язык, как и многие языки, имеет

долгую патриархальную традицию. Таким образом, язык, будучи транслятором патриархальной культуры, не мог не использоваться в иной форме кроме как сексистской.

Под давлением общества, которое требует изменения национального сознания и нововведений, политическая система была вынуждена создать организации, ассоциации, занимающиеся вопросами прав женщин с целью искоренения неравенства [Calero 2002: 117]. В Испании, где существует огромное количество организаций, защищающих права и свободы женщин как на государственном, так и на автономном, городском, районном уровнях, языковая политика сводится, как правило, к замене определенных форм доминирования мужского рода на лексическом уровне. В данном тексте автор предлагает в первую очередь рассмотреть сам термин «гендерное насилие» на испанском языке как отражение и следствие неоднозначного отношения к этому термину и проблеме в современном испанском обществе.

Описание методики исследования

В исследовании использованы классические методы работы с материалом, такие как: описательно-аналитический и структурно-семантический методы, прием сплошной выборки с использованием расширенных функций поисковика в электронных версиях газет, словообразовательный и количественный анализ. За единицу счета были приняты словосочетания типа *violencia de género*, *violencia doméstica*, *violencia machista* и подобные дублеты. Сделанные автором выводы основаны на работе с толковыми словарями испанского языка, словарями профессиональной лексики, а также на базах данных испанского языка, законодательных актах и некоторых ведущих периодических изданиях Испании (газеты *El País*, *La Vanguardia*, *El Mundo*). Выбор данных печатных СМИ обусловлен несколькими факторами, а именно: лидирующими позициями в рейтинге ведущих качественных изданий Испании; наличием раздела «Гендерное насилие» или «Домашнее насилие»; доступом к материалам на официальных страницах газет. Представляется интересным проанализировать проблему гендерного насилия с позиции функционирования и кодификации понятия в языке.

В испанском языке в официальных документах, в научных публикациях, в материалах периодических изданий встречаются разнообразные дублеты словосочетанию «гендерное насилие», такие как: *violencia intrafamiliar* (насилие внутри семьи), *violencia familiar* (насилие в семье), *violencia doméstica* (домашнее насилие), *parricidio* (убийство родственника), *malos tratos* (жестокое обращение), *agresión sexual* (сексуальная агрессия), *terrorismo doméstico* (домашний террор), *feminicidio* (убийство на почве гендерной неприязни), *violencia contra las mujeres* (насилие в отношении женщин), *violencia machista* (насилие на почве женоненавистничества). Несомненно, наличие такого большого синонимичного ряда говорит о многообразии форм проявления агрессии в отношении женщин.

Анализ материала

Выражение *violencia doméstica* (домашнее насилие) впервые вошло в речь после проведения I Конгресса организаций, занимающихся вопросами семьи, в 1987 г. С этого момента все организации и институты, занимающиеся вопросами, связан-

ными с насилием в отношении женщин, стали использовать этот термин. Кроме того, в принятом Министерством занятости и социального обеспечения (Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales) в 1998 и 2001 гг. законе о домашнем насилии использовалась именно формулировка *violencia doméstica*. Этот термин подразумевал все формы жестокого отношения внутри семьи в отношении женщин, детей, а также лиц пожилого возраста. В дальнейшем сам термин стал подвергаться критике со стороны феминисток, так как, по их мнению, не отображал полной картины происходящего в обществе.

Языковая политика как «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве»⁶, цель которой — изменение норм в определенных фрагментах языковой системы, в которых имеет место гендерная асимметрия, не даст желаемых результатов, если реформы не будут приняты обществом как норма словоупотребления. Главным институтом по кодификации норм испанского языка является Королевская академия испанского языка (Real Academia Española, RAE), результаты деятельности которой закреплены в академических словарях и грамматике. Изначально основной задачей деятельности Академии было наблюдение и фиксирование закрепившихся в узусе слов и выражений, а также грамматических норм, но в последнее время RAE стремится предписывать новые нормы, а не фиксировать узус [Lázaro Carreter 1997: 87].

Академия RAE на протяжении долгого времени отстаивает необходимость использовать термин *violencia doméstica* в значении «гендерное насилие», отсылая к тому, что проблема намного шире, чем просто насилие в отношении женщин. Кроме того, члены Академии выступали в 2004 г. за формулировку *violencia doméstica* в «Органическом законе о домашнем насилии, в том числе и на почве половой неприязни» (*Ley integral contra la violencia doméstica o por razón de sexo*). Однако в финальном варианте закона появилось словосочетание «гендерное насилие» (*violencia de género*).

Исследователи проявления гендерного насилия в языке и культуре предлагают разнообразные обозначения этого явления: так, Анна Мария Перес Дель Кампо призывает использовать выражение *terrorismo doméstico*⁷, когда речь идет о терроре, которому подвергаются женщины со стороны своих партнеров / бывших партнеров по аналогии с политическим давлением (автор его называет «политическое насилие» — *violencia de sesgo político*), которому подвержен любой гражданин страны. Лидия Фалькон [Falcón 2014: 38] настаивает на употреблении выражения *terrorismo sexista*. Другие теоретики настаивают на использовании сочетания *terrorismo de género*, описывая ситуацию террора и угрозы, основанную на структурном насилии. При гендерном терроризме, как и при политическом, считает Лоренте, террор проявляется посредством угроз, а его эффективность зависит не от процесса проявления насилия в отношении определенных людей с последующими травмами, а от наличия самой агрессии, которая может привести к конкретному случаю ее проявления [Lorente Acosta 2019: 93].

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Электронный ресурс <http://tapemark.narod.ru/les/616a.html>.

⁷ Terrorismo doméstico (2010). *Arte contra violencia de género*. Электронный ресурс <https://artecontraviolenciadegenero.org/terrorismo-domestico/>.

Функционирующий в испанском языке еще один термин, *feminicidio* (от лат. *femina* и *-cidio*)⁸, является заимствованием из английского языка (от *feminicide*). Если в английском языке термин обозначает «преступление на почве ненависти к женщине», то в испанском языке — «убийство женщины мужчиной на почве мачизма или женоненавистничества»⁹. Особое распространение этот термин получил в странах Латинской Америки, особенно в Мексике и Гватемале. Известная мексиканская исследователь-антрополог Марсела Лагарде понимает термин *feminicidio* очень широко, не только как гибель женщины от рук мужчины, но и как «набор насильственных действий в отношении женщин, в результате чего не только они лично являются жертвами, но и их окружение и имущество» [Lagarde y de los Ríos 2006: 14]. Исследовательница была одним из инициаторов того, чтобы использовать термин *feminicidio* в официальных документах после проведения в 2005 г. III Международного межпарламентарного диалога, посвященного насилию в отношении женщин в Мексике, Гватемале и Испании (Tercer Diálogo Internacional Interparlamentario sobre Violencia Femenicida entre México, Guatemala y España). Мексиканская сторона настаивала на употреблении термина *violencia feminicida* как «крайней формы гендерного насилия в отношении женщин, нарушающую права человека, в особенности право на жизнь, на безопасность, на доступ к правовой защите»¹⁰.

В последние десятилетия как на официальном, так и на медийном уровне стало активно использоваться сочетание *violencia de género*. Несмотря на то что члены Королевской академии испанского языка выступают против употребления этого термина, он даже не зафиксирован в главном академическом словаре, а «Общеиспанский уточняющий словарь» (Diccionario Panhispánico de Dudas) лишь допускает использование этого термина как социокультурную категорию, которая отражает различия и неравноправие в социальной, экономической, политической или трудовой сферах деятельности. Однако в том же словаре отмечается, что, когда речь идет о насилии, то допустимо использовать альтернативные выражения: *discriminación/violencia por razón de sexo* (дискриминация/насилие по половому признаку); *discriminación/violencia contra las mujeres* (дискриминация/насилие в отношении женщин); *violencia doméstica* (домашнее насилие); *violencia de pareja* (насилие между партнерами).

А вот в *Vademécum del Diccionario de Dudas del Español de la Fundéu BBVA*¹¹ (Справочник словаря по особо важным вопросам испанского языка) предпринята попытка разграничить этот синонимичный ряд. Там высказывается призыв использовать выражение *violencia de género* в тех случаях, когда дискриминация женщины по гендерному признаку подтверждена официальными документами о подобном насилии.

⁸ В латиноамериканских вариантах испанского языка также употребляется сокращенное *femicidio*.

⁹ Diccionario de RAE. *Real Academia Española*. Электронный ресурс <https://dle.rae.es/feminicidio?m=form>.

¹⁰ Conclusiones del III Diálogo Internacional Interparlamentario sobre la violencia feminicida (2005). *Mujeres en Red. El Periódico feminista*. Электронный ресурс <https://mujeresenred.net/spip.php?article342>.

¹¹ Diccionario. *Fundéu RAE*. Электронный ресурс <https://www.fundeu.es/tema/diccionario/>.

Когда в 2004 г. готовился проект первого интегрального закона о гендерном насилии¹², Королевская академия испанского языка выступила категорически против использования сочетания *violencia de género*, предложив заменить его на *por razón de sexo*.

Результаты исследования

Анализ ситуации, а также публикации испаноязычных исследователей на тему гендерного насилия показал, что на настоящий момент существует два блока специалистов, выступающих за использование и кодификацию принципиально разных обозначений «насилия в отношении женщин» на испанском языке. Одни исследователи, к числу которых принадлежат именитые академики, писатели и исследователи испанского языка (А. Грихельмо, Ф. Ласаро Карретер, А. Перес-Реверте и др.), а также члены RAE, выступают против употребления выражения *violencia de género*, апеллируя к наличию в испанском языке синонимичных терминов, а также к разнице значений лексемы *gender* в испанском и английском языках.

Испанское *género*¹³ обозначает исключительно грамматический род, а не пол (у слова есть род — *género*, но не пол — *sexo*; говоря о людях, мы имеем в виду пол — *sexo*, а не род — *género*), тогда как в английском языке, где грамматический род не выражен, слово *gender* равнозначно лексеме *sex*¹⁴. Употребление английского *gender* в качестве синонима лексеме *sex* зафиксировано очень давно, а функционирование данного сочетания с более расширенным значением в контексте социальных и культурных различий приходится на 1960-е годы, когда наблюдался всплеск феминистских движений и исследований в англосаксонском мире [Velando Casanova 2005: 109]. Академия RAE особо отмечает, что в испанском языке нет традиции использовать слово *género* в качестве синонима лексической единицы *sexo*.

Испанский лингвист А. Грихельмо писал, что «только комплекс неполноценности испаноязычного населения по отношению к терминам, которые приходят из английского, может объяснить предпочтение испанских феминисток употреблять выражение *violencia de género* (худший перевод с английского: «слащавый и мягкотелый») вместо более точных и убедительных форм, таких как: *violencia machista*¹⁵, *violencia sexista*¹⁶ или *violencia de los hombres*¹⁷» [Grijelmo 2002: 252–253].

Знаменитый испанский филолог Ласаро Карретер также в 2000 г. осудил употребление сочетания *violencia de género* в заголовке одного из валенсийских изданий, отмечая, что факт подмены значений переводчиками ООН на конгрессе 1995 г. «был принят некоторыми поклонниками английского языка... и мог бы существо-

¹² Ley Orgánica 1/2004, de 28 de diciembre, de Medidas de Protección Integral contra la Violencia de Género.

¹³ «...свойства, присущие существительным и некоторым местоимениям, благодаря которым их можно отнести к мужскому, женскому, а в некоторых языках — также к среднему роду» (*propiedad de los sustantivos y de algunos pronombres por la cual se clasifican en masculinos, femeninos y, en algunas lenguas, también en neutro*).

¹⁴ Начало употребления в испанском языке сочетания *violencia de género*, кальки с английского *gender-based violence* или *gender violence*, приходится на период, когда проводился Конгресс женщин ООН (Пекин, 1995 г.).

¹⁵ Насилие на почве мачизма.

¹⁶ Насилие на почве сексизма.

¹⁷ Мужское насилие.

вать, если бы только не ранил чувство достоинства кастильского языка (наравне с каталанским, португальским, итальянским, французским и т. п.), где понятия *rod* и *pol* очень четко разграничены» [Lázaro Carreter 1997: 15].

Представители другого лагеря (А. Кастельянос, Э. Хиль Кальво, Ламарка Лапуэнте и др.) ссылаются на латинское происхождение английских *gender* и *violence*. Кроме того, выражение *violencia de género* уже относительно давно используется в международных документах. Справедлив вопрос журналиста Энрике Хиля Кальво к Академии RAE: почему с легкостью включаются в толковый словарь технические англицизмы, а когда речь идет про гуманитарные термины и понятия, появляются подводные камни?

По случаю лингвистических споров вокруг терминологии Королевская академия испанского языка опубликовала доклад, в котором обосновывалась позиция академиков, выступающих против использования сочетания *violencia de género*. Данный документ являлся ответом на заявления вице-президента испанского правительства о том, что язык Конституции 1978 г. ущемляет права и достоинства женщин, и требовала модифицировать текст главного документа. В этом ответе¹⁸ Академия подчеркивает свои задачи по сохранению целостности испанского языка и ссылается на банк данных испанского языка, в котором выражение *violencia doméstica* являлось самым частотным в испаноязычных документах и литературе (136 документов), а *discriminación por razón de sexo* — в 70 документах, тогда как *violencia de género* — в 19 документах.

Споры на предмет использования английского перевода или собственно испанской терминологии все еще продолжают, однако в 2004, 2007 и 2018 гг. были приняты законы о гендерном насилии, в которых употреблялось именно словосочетание *violencia de género*¹⁹.

Сторонники гендерного равноправия, в том числе представители Министерства по вопросам равенства (Ministerio de Igualdad), Института женщин (Instituto de las Mujeres) более 15 лет пытаются оказать воздействие на RAE с целью включения в словарь термина *violencia de género* и тем самым кодифицировать языковую номинацию как отражение социальной реалии. Что касается этого сочетания, то оно уже давно закрепилось в узусе (термин представлен в законодательных актах, в редакционных документах для журналистов, а также в литературе, как научной, так и публицистической).

В 2019 г. RAE под давлением феминистских движений и активной деятельности Института женщин вновь была вынуждена обратиться к вопросу о включении термина *violencia de género* в толковый словарь испанского языка спустя 16 лет после того, как академики отклонили предложение о внесении сочетания в новое издание словаря. Речь идет о 24-м издании 2026 г. Однако представители Академии подчеркивают, что термин уже зафиксирован в двух словарях RAE: «Словарь юриди-

¹⁸ Informe de la Real Academia Española sobre la expresión *violencia de género* (2004). *Universitat de València*. Электронный ресурс <https://www.uv.es/ivorra/documentos/Genero.htm>.

¹⁹ Ley Orgánica 3/2007, de 22 de marzo, para la igualdad efectiva de mujeres y hombres (2007). *Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado*. Электронный ресурс <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2007-6115>; Real Decreto-ley 9/2018, de 3 de agosto, de medidas urgentes para el desarrollo del Pacto de Estado contra la violencia de género (2018). *Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado*. Электронный ресурс https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2018-11135.

ческих терминов испанского языка»²⁰ и «Паниспанский юридический словарь»²¹, где дается подробное толкование такого вида преступления, как *violencia de género*. В связи с этим представители RAE отказываются вносить словосочетание в электронную версию толкового словаря, которая обновляется ежегодно.

Бывший директор Академии испанского языка Дарио Вильянуэва на вопрос, почему термин еще не включен в главный словарь испанского языка, ответил, что понятие «гендерное насилие — не новое слово, а сумма значений. Любой, кто владеет испанским языком, кто понимает значение слова “насилие” и “гендер”, способен понять этот концепт. Нет необходимости объяснять это в словаре»²².

Если обратиться к данным корпуса употребления современного испанского языка, можно сделать вывод, что сочетание *violencia de género* встречается в официальных документах и в периодике намного чаще, чем другие его дублиеты. Например, за 2022 г. в корпусе зафиксировано 1661 раз употребление *violencia de género*, тогда как словосочетание *violencia doméstica* встречается 1154 раза, а предлагаемый академиком термин *violencia por razón de sexo* — 6 раз. Лексема *maltrato*, обозначающая «действие и результат жестокого отношения» (Diccionario de la Real Academia Española — DRAE), является самой часто встречающейся в текстах на испанском языке (3745), она имеет очень широкое значение и может относиться как к людям, так и к животным и растениям. Термин *violencia de género*, который трактуется как «любое нанесение увечий, насилие против моральной или интимной целостности женщины партнером или бывшим партнером»²³, является наиболее используемым в сравнении с *violencia por razón de sexo*, на употреблении которого настаивают члены RAE.

В прессе Испании по данным за 2015–2022 гг. наиболее часто употребляется сочетание *violencia de género* (La Vanguardia — 39 100, El ABC — 21 225, El Diario — 19 115, El Mundo — 11 266, El País — 7730), затем идет *violencia machista* (La Vanguardia — 31 800, El ABC — 4411, El Diario — 12 533, El Mundo — 3699, El País — 4270), *violencia por razón de sexo* встречается слишком редко (La Vanguardia — 7, El ABC — 5, El Diario — 3, El Mundo — 6, El País — 2).

Полученные данные говорят о том, что термин *violencia de género*, как бы не сопротивлялись академики RAE, вошел в узус современного испанского языка, он не только используется в законодательных документах, но и в прессе (в большинстве газет есть специальный раздел *Violencia de género* или *Violencia machista*, в которых и публикуются материалы о случаях гендерного насилия).

Ввиду того, что термин *violencia de género* не кодифицирован в академическом словаре испанского языка, в настоящее время имеет место большое количество его трактовок и пониманий. Так, если в законах Испании прописано, что гендерное

²⁰ Diccionario del español jurídico. Real Academia Española. Электронный ресурс <https://www.rae.es/obras-academicas/diccionarios/diccionario-del-espanol-juridico>.

²¹ Diccionario panhispánico del español jurídico. Real Academia Española. Электронный ресурс <https://dpej.rae.es/>.

²² Alvarez P. La RAE se plantea incluir «violencia de género» en el diccionario 15 años después de rechazarlo (2020). *El País*. Электронный ресурс https://elpais.com/sociedad/2019/07/19/actualidad/1563550453_615535.html.

²³ Definición de violencia de género. Ministerio de Sanidad, Servicios Sociales e Igualdad. Электронный ресурс https://www.inmujeres.gob.es/servRecursos/formacion/Pymes/docs/Introduccion/02_Definicion_de_violencia_de_genero.pdf.

насилие — это проявление дискриминации со стороны мужчины по отношению к женщине, супруге, бывшей или настоящей, т. е. оговаривается, что речь идет о насилии только в отношении женщины, то в официальных документах других испаноязычных стран, например Мексики, *violencia de género* определяется как насилие, совершенное не только в отношении женщин, но и девочек, мужчин, мальчиков, а также сексуальных меньшинств²⁴.

Выводы

Социолингвистическая ситуация, сложившаяся в последние десятилетия в Испании, когда массово пришли женщины в разные сферы деятельности, в том числе и в политику, активно стараясь искоренить гендерное неравенство, а также повлиять на речевую практику современного испаноязычного социума, привела к тому, что на сегодняшний день узус языка вступил в конфликт с нормой, с существующими номинациями, которые не отражают полно современную картину состояния испаноязычного общества. Вольное понимание терминов и их трактовка, отсутствие кодификации в толковых словарях испанского языка не способствуют единому комплексному подходу к искоренению феномена гендерного насилия в обществе.

Противостояние академиков Королевской академии испанского языка и членов других ассоциаций, выступающих за равноправие в языке, приобрело форму «спектакля», когда ни одна из сторон не поддерживает конструктивный диалог [Bolívar 2018]. Так, в 2018 г. один из академиков, писатель и журналист Артуро Перес-Реверте публично заявил, что если будут приняты поправки лингвистического характера в текст Конституции Испании, то он покинет свое кресло Академии²⁵.

Большую разницу между нормой и узусом сочетания «гендерное насилие» подтверждает и анализ ведущих печатных медиа на испанском языке (*El País*, *La Vanguardia*, *El Mundo*), в которых, во-первых, употребляются разные варианты анализируемого явления, что придает информации разные оттенки и значения, фокусирует внимание читателя на не «ключевых» аспектах насилия; во вторых, очевидно, что предпочтение отдается использованию сочетания *violencia de género*, что соответствует европейской и мировой повестке.

Члены Королевской академии испанского языка, всегда придерживаясь политики минимизации вмешательств в языковые процессы, заняли очень активную позицию по неприятию термина *violencia de género*, что и объясняет сложившуюся ситуацию, когда учет роли узуса в формировании нормы достигается благодаря сообществам, организациям, которые борются за равноправие в обществе и в языке. Такое положение можно назвать идеологической борьбой, но никак не лингвистической [Calero 2002: 113].

²⁴ Glosario de términos sobre violencia contra la mujer. *Gobierno de México*. Электронный ресурс http://cedoc.inmujeres.gob.mx/lgamv/v/conavim/glosario_conavim.pdf.

²⁵ Arturo Pérez-Reverte amenaza con dejar la RAE si se revisa la Constitución para adecuarla al lenguaje inclusivo (2018). *El Mundo*. Электронный ресурс <https://www.elmundo.es/cultura/literatura/2018/07/12/5b47092c268e3e86428b45b8.html>.

Литература

- Бурдые, П., Пассрон, Ж. (2006). Основы теории символического насилия. (Фрагменты из книги. Пер. с фр. Н. Шматко). *Вопросы образования*, 2, 39–60.
- Кофман, А. Ф. (1997). *Латиноамериканский художественный образ мира*. М.: Наследие.
- Кофман, А. Ф. (2020). Мачизм и его отражение в испаноамериканском фольклоре. *Традиционная культура*, 1 (21), 7–90. <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.1.005>
- Ростовская, Т. К., Безвербная, Н. А. (2020). Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. *Женщина в российском обществе*, 2, 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8>
- Силласте, Г. Г. (2016). *Гендерная социология и российская реальность*. М.: Альфа-М.
- Симонова, М. В. (2020). Микромачизм в современном испанском языке и культуре. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 1 (17), 89–101.
- Симонова, М. В. (2021). Феномен постправды в освещении темы гендерного насилия в пандемийном медиапространстве Испании (на материале газеты «АВС»). *Медиалингвистика*, 1 (8), 35–44.
- Симонова, Е. В., Симонова, М. В. (2020). Гендерное насилие в Испании (культурно-идеологический аспект). *Общественные науки и современность*, 5, 165–176. <https://doi.org/10.31857/S086904990012330-5>
- Толстокорова, А. В. (2005). Гендерно-чувствительная реформа языка как элемент глобальной социальной политики: опыт международного женского движения. *Журнал исследований социальной политики*, 1 (3), 87–110.
- Фирсова, Н. М. (2006). Отражение маскулинность в вербальных и невербальных средствах коммуникации испаноязычных народов. *Вестник РУДН. Сер. Лингвистика*, 8, 76–85.
- Bolívar, A. (2018). *Political discourse as dialogue. A Latin American perspective*. London; New York: Routledge.
- Calero, M. L. (2002). Lenguaje, género, sexo: reflexiones desde la lingüística y desde el feminismo. En: *Mujeres, Hombres y Medios de Comunicación* (pp. 113–131). Valladolid: Junta de Castilla y León.
- Falcón, L. (2014). *Los nuevos machismos*. México: Aresta.
- Fernández Poncela, A. M. (2012). *La violencia en el lenguaje o el lenguaje que violenta. Equidad de género y lenguaje*. México: Universidad Autónoma de México.
- Futrado, V. (2013). El lenguaje incluido como política lingüística de género. *Revista digital de políticas lingüísticas*, 5 (5), 48–70.
- Gibbon, M. (1999). *Feminist perspectives on language*. 1st ed. London: Longman.
- Grijelmo, Á. (2002). *La seducción de las palabras*. Madrid: Taurus.
- Lagarde y de los Ríos, M. (2010). El derecho humano de las mujeres a una vida libre de violencia. En: *Mujeres, globalización y derechos humanos* (pp. 477–534). Coord. por Virginia Maquieira d'Angelo. Madrid: Ediciones Cátedra.
- Lakoff, R. (1973). Language and women's Place. *Language in Society*, 2, 45–79.
- Lázaro Carreter, F. (1997). *El dardo en la palabra*. Barcelona: Círculo de Lectores: Galaxia Gutenberg.
- Lorente Acosta, M. (2019). Violencia pública, violencia privada. *Tiempo de paz*, 134, 92–100. Электронный ресурс https://revistatiempodepaz.org/revista-134/#dfliip-df_1391/93/.
- van Soest, D., Bryant, S. (1995). *Violence reconceptualized for social work: The urban dilemma*, *Social Work*, 4 (40), pp. 549–557.
- Velando Casanova, M. (2005). La RAE y la violencia de género: reflexiones en torno al debate lingüístico sobre el título de una ley. *Cultura, lenguaje y representación. Violencia Y Cultura*, 2, pp. 107–124.
- Zurbano-Berenguer, B. (2015). *Discurso periodístico y violencias contra las mujeres. Aproximaciones a la construcción y valoración de los mensajes informativos en la prensa de referencia en España (2000–2012)*. Sevilla: Universidad de Sevilla.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 28 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Симонова Мария Владимировна — канд. филол. наук, ст. преп.; simonova2808@gmail.com

The status of the term *violencia de género* in the modern Spanish language

M. V. Simonova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Simonova M. V. (2024). The status of the term *violencia de género* in the modern Spanish language. *Media Linguistics*, 11 (1), 4–16. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2024.101> (In Russian)

The problem of gender-based violence is one of the key in the most modern societies including Spain. In the country where the tradition of patriarchal relations is rooted feminist organisations, nongovernment and state organisations are constantly fighting with the gender asymmetry. In addition, the topic of gender-based violence receives special attention in the Spanish media. There are even sections in leading newspapers named “Gender-based Violence” or “Domestic Violence”. The phenomenon of gender-based violence in the context of gender language policy is actively discussed. Spain is one of the leading countries in adopting progressive gender laws aimed to combat gender-based violence. This very active attitude towards the problem of gender-based violence contrasts with the language policy in this area. Analysis of the actual linguistic material, extralinguistic situation in the country, study of the data of official statistics allowed the author to come to the conclusion that in the modern Spanish reality there is an imbalance between extralinguistic factors (active struggle against gender-based violence, presence of progressive laws) and the same language, in which the term *violencia de género* has not yet been codified in the dictionary of the Royal Academy of the Spanish language (while in other dictionaries and glossaries the concept is interpreted). The combination *violencia de género* is widely used in the Spanish speech, in the scientific papers and in the Spanish media space, that is confirmed by the Spanish language database. Free interpretations of this term because of its absence in the main dictionaries do not help the society to understand the problem properly and eradicate it.

Keywords: gender violence, gender language policy, Royal Academy of the Spanish Language, media linguistics, Spanish media.

References

- Bolívar, A. (2018). *Political discourse as dialogue. A Latin American perspective*. London; New York: Routledge.
- Bourdieu, P., Passeron, J.-C. (2006). Foundations of a theory of symbolic violence (Passages from the book. Transl. from French by N. Shmatko). *Voprosy obrazovaniia*, 2, 39–60. (In Russian)
- Calero, M. L. (2002). Lenguaje, género, sexo: reflexiones desde la lingüística y desde el feminismo. En: *Mujeres, Hombres y Medios de Comunicación* (pp. 113–131). Valladolid: Junta de Castilla y León.
- Falcón, L. (2014). *Los nuevos machismos*. México: Aresta.
- Fernández Poncela, A. M. (2012). *La violencia en el lenguaje o el lenguaje que violenta. Equidad de género y lenguaje*. México: Universidad Autónoma de México.
- Firsova, N. M. (2006). Reflection of masculinity in verbal and non-verbal means of communication of Hispanic people. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika*, 8, 76–85. (In Russian)
- Futrado, V. (2013). El lenguaje incluido como política lingüística de género. *Revista digital de políticas lingüísticas*, 5 (5), 48–70.
- Gibbon, M. (1999). *Feminist perspectives on language*. 1st ed. London: Longman.
- Grijelmo, Á. (2002). *La seducción de las palabras*. Madrid: Taurus.
- Kofman, A. F. (1997). *Latin American Literary image of the world*. Moscow: Nasledie Publ. (In Russian)
- Kofman, A. F. (2020). Machismo and its Reflection in Spanish-American Folklore. *Traditsionnaia kul'tura*, 1 (21), pp. 76–90. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.1.005> (In Russian)
- Lagarde y de los Ríos, M. (2010). El derecho humano de las mujeres a una vida libre de violencia. En: *Mujeres, globalización y derechos humanos* (pp. 477–534). Coord. por Virginia Maquieira d'Angelo. Madrid: Ediciones Cátedra.

- Lakoff, R. (1973). Language and women's Place. *Language in Society*, 2, 45–79.
- Lázaro Carreter, F. (1997). *El dardo en la palabra*. Barcelona: Círculo de Lectores: Galaxia Gutenberg.
- Lorente Acosta, M. (2019). Violencia pública, violencia privada. *Tiempo de paz*, 134, 92–100. Retrieved from https://revistatiempodepaz.org/revista-134/dflip-df_1391/93/.
- Rostovskaya, T. K., Bezverbnaya, N. A. (2020). Violence against women: global trends. *Zhenshchina v rossii-skom obshchestve*, 2, 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8> (In Russian)
- Sillaste, G. G. (2016). *Gender Sociology and Russian Reality*. Moscow: Alfa-M Publ. (In Russian)
- Simonova, M. V. (2020). Micromachism in the modern Spanish language and culture. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 1 (17), 89–101. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.106> (In Russian)
- Simonova, M. V. (2021). The post-truth phenomenon in coverage of the gender-based violence is-sue in Spain's pandemic media space (on the material of ABC). *Media Linguistics*, 1 (8), 35–44. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.103> (In Russian)
- Simonova, E. V., Simonova M. V. (2020). Gender-Based Violence in Spain (Cultural and Ideological Approach). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 165–176. <https://doi.org/10.31857/S086904990012330-5> (In Russian)
- Tolstokorova, A. V. (2005). Gender-sensitive language reform as an element of global social policy: Experience of the International Women's Movement. *Zhurnal issledovanií sotsial'noi politiki*, 1 (3), 87–110. (In Russian)
- van Soest, D., Bryant, S. (1995). *Violence reconceptualized for social work: The urban dilemma*, *Social Work*, 4 (40), 549–557.
- Velando Casanova, M. (2005). La RAE y la violencia de género: reflexiones en torno al debate lingüístico sobre el título de una ley. *Cultura, lenguaje y representación*, 2, 107–124.
- Zurbano-Berenguer, B. (2015). *Discurso periodístico y violencias contra las mujeres. Aproximaciones a la construcción y valoración de los mensajes informativos en la prensa de referencia en España (2000–2012)*. Sevilla: Universidad de Sevilla.

Received: August 25, 2023
Accepted: November 28, 2023

Author's information:

Mariya V. Simonova — PhD in Philology, Senior Lecturer; simonova2808@gmail.com